

Элвин Брукс Уайт Стюарт Литл

Глава I В водопроводной трубе

Когда у супруги мистера Фредерика К. Литла родился второй сын, все сразу же увидели, что ребенок не больше мыши. Сказать по правде, младенец был вылитый мышонок: ростом он едва достигал двух дюймов, у него был острый мышинный нос, мышинный хвост, мышинные усы и милые застенчивые повадки. Очень скоро он стал носить серую шляпу и трость, как и полагается благовоспитанным мышам. Мистер и миссис Литл назвали его Стюарт. Мистер Литл сделал ему крошечную кроватку из коробки для сигарет и четырех бельевых прищепок.

В отличие от большинства младенцев, Стюарт сразу же начал ходить. В недельном возрасте он уже взбирался на лампы по шнуру. Миссис Литл быстро поняла, что ему не подходят детские платьица, которые она приготовила. Поэтому она села за машинку и сшила хорошенький синий шерстяной костюм с накладными карманами, где он мог держать платок, деньги и ключи. Каждое утро, пока Стюарт был еще в постели, она заходила к нему в комнату, чтобы положить его на маленькие весы для взвешивания писем. Когда он только родился, его можно было бы отправить почтой с маркой всего в три цента, но родители вовсе не собирались с ним расставаться. Когда оказалось, что в месячном возрасте он весит всего десять граммов, мать так испугалась, что послала за доктором. Доктор пришел в восторг от Стюарта, сказал, что мышонок – большая редкость в американской семье. Он поставил ему градусник, выслушал грудную клетку и сердце и даже заглянул с помощью фонарика в уши, сохраняя при этом серьезный вид (надо отдать ему должное, не каждый врач может не улыбнувшись заглянуть в мышинное ухо). Все было в полном порядке, и миссис Литл страшно обрадовалась.

– Кормите его получше, – весело сказал доктор на прощанье.

Литлы жили в Нью-Йорке, в красивом светлом доме недалеко от парка. Утром солнце освещало окна, выходившие на восток, и вся семья, как правило, поднималась рано. Благодаря своему росту Стюарт стал большим подспорьем для родителей и старшего брата Джорджа: он мог делать все, что доступно только мышам, и, надо сказать, делал с большой охотой. Как-то раз, когда миссис Литл мыла ванну после того, как в ней выкупался мистер Литл, у нее соскользнуло с пальца кольцо и покатилося в дырку. Миссис Литл пришла в отчаяние.

Стюарт Литл

– Что делать? Как его достать? – повторяла она, едва сдерживая слезы.

– На твоём месте я бы взял шпильку для волос, сделал из нее крючок, привязал к веревке и попробовал выловить кольцо, – сказал Джордж.

Следуя его совету, миссис Литл отыскала кусок бечевки, привязала к шпильке и полчаса выуживала кольцо. Но в дырке было темно, и крючок сразу за что-то цеплялся, поэтому никак не удавалось спустить его поглубже.

– Каковы успехи? – спросил мистер Литл, входя в ванную.

– Никаких. Кольцо где-то глубоко, и я никак не могу его подцепить.

– Давайте спустим туда Стюарта, – предложил мистер Литл. – Как, Стюарт, рискнешь?

– С большим удовольствием, – сказал Стюарт. – Только надену старые штаны. Там, наверное, мокро.

– Не видать вам кольца как своих ушей, – пообещал Джордж, явно раздосадованный тем, что не сработала его идея с крючком.

Стюарт тем временем натянул старые штаны и приготовился спуститься в водопроводную трубу. Он решил один конец веревки взять с собой, а второй оставить у отца.

– Как только я дерну за веревку три раза, сразу тащи меня наверх.

Не успел мистер Литл стать на четвереньки в ванной, как Стюарт легко скользнул в дырку и исчез в трубе. Буквально через минуту мистер Литл почувствовал, как веревка три раза дернулась, и осторожно поднял ее наверх. На конце бечевки висел Стюарт с кольцом на шее.

– Спасибо тебе, мой храбрый сынок, – сказала с гордостью миссис Литл, целуя Стюарта.

– Ну как там внизу? – спросил мистер Литл. Он был человеком любознательным и интересовался местами, где сам никогда не бывал.

– Нормально, – ответил Стюарт.

Но, честно говоря, в трубе было грязно и скользко, и Стюарт оказался покрыт с головы до ног какой-то липкой слизью. Он принял ванну и обрызгал себя маминой туалетной водой и только тогда снова пришел в себя. Все считали, что он вел себя просто геройски.

Глава II Домашние проблемы

Стюарт также был незаменим, когда играли в пинг-понг. Все Литлы любили эту игру, но есть в ней одно неудобство – мячи вечно закатываются под стулья, диваны и радиаторы, а это означает, что игроки должны без конца ползать за ними по полу. Стюарт быстро научился доставать мячи. Надо было видеть, как он вылезал из-под горячей батареи, изо всех сил толкая перед собой мяч. Пот градом катился у него по щекам. Мяч был такого же размера, как и он сам, и ему приходилось налегать на него всем телом.

В гостиной у Литлов стоял рояль. Он был в полном порядке, но одна из клавиш всегда западала. Миссис Литл считала, что это из-за сырости. Однако клавиша была неисправной уже четыре года, а за это время случалось и немало ясных дней. Как бы то ни было, это создавало трудности при игре на рояле. Но больше всего это мешало Джорджу, когда он в быстром темпе исполнял «Танец с шарфами». Ему и пришла в голову мысль пустить внутрь рояля Стюарта, чтобы он выталкивал наверх клавишу, когда по ней ударяли. Эта была нелегкая работа. Стюарту приходилось лавировать между обтянутыми войлоком молоточками, чтобы не получить по голове, но ему нравилось внутри рояля, нравилось увертываться от молоточков, даже нравился адский шум. Иногда, посидев там долгое время, он вылезал совершенно оглушенный, как после длительного пребывания в самолете, и далеко не сразу приходил в себя.

Мистер и миссис Литл часто говорили между собой о Стюарте, когда его не было поблизости. Они никак не могли привыкнуть к тому, что в их семье растёт мышонок. Он был крошечный, и в связи с этим у его родителей возникала масса сложных проблем. Мистер

Стюарт Литл

Литл сразу же потребовал, чтобы никто не упоминал в разговорах мышей. Он велел миссис Литл вырвать из детского песенника страницу с песней «Три слепые мышки, как они бегут».

– Мне хотелось бы, чтобы Стюарт как можно меньше знал о мышах, – сказал мистер Литл. – Ужасно, если мой сын будет в вечном страхе, что и впрямь, как поется в песенке, фермерша отрубит ему хвост ножом. От таких вот историй детям и снятся страшные сны.

– Ты прав, – согласилась миссис Литл. – Пожалуй, время подумать, что делать со стихотворением:

В новогоднюю ночь тихо так – даже слишком. Не услышишь ни звука, и шуршит только мышка.

Мне кажется, Стюарта покоробит пренебрежительный тон, которым там говорится про мышь.

– Правильно, – подтвердил мистер Литл. – Но что делать со второй строкой? Ведь нужно чем-то ее заменить. Мы не можем просто выбросить ее:

В новогоднюю ночь тихо так – даже слишком... Надо найти рифму к слову «слишком»
Может быть, заменить «мышка» на «клопишка»? – предложила миссис Стюарт.

– Или «зайчишка», – добавил мистер Литл.

– Я советую «воришка», – сказал Джордж. Он все время внимательно прислушивался к разговору с другого конца комнаты.

Подумав, они решили, что самая подходящая рифма – «клопишка», и перед Рождеством миссис Литл старательно стерла в книге слово «мышка» и вписала вместо него «клопишка». Стюарт всегда потом думал, что стихотворение звучит так:

В новогоднюю ночь тихо так – даже слишком.
Не услышишь ни звука, шуршит лишь клопишка.

Больше всего мистера Литла беспокоила мышиная норка в кладовке. Норку прогрызли какие-то мыши еще до того, как Литлы переехали в этот дом, но до сих пор никто так и не собрался ее заделать. Мистер Литл не был уверен, что понимает до конца, какие чувства испытывает Стюарт при виде мышиной норы. Не знал он также, куда она ведет, и ему было не по себе при мысли о том, что в один прекрасный день Стюарту захочется в нее нырнуть.

– Он все же очень похож на мышь, – говорил мистер Литл жене. – А я еще не видел мыши, которой бы не захотелось юркнуть в норку.

Глава III Утренний туалет

Стюарт был ранней пташкой: он почти неизменно поднимался первым. Ему нравилось вставать, когда в доме никто еще не шевелился. Он любил тихие комнаты с книжными полками вдоль стен, бледный свет в окнах и особый свежий запах наступающего дня. Зимой он затемно выбирался из своей кровати, сделанной из коробки для сигарет, и в ночной пижаме, дрожа от холода, делал зарядку. Каждое утро он десять раз доставал руками до пола, чтобы сохранять спортивную форму. Его брат Джордж объяснил ему, что это упражнение укрепляет брюшной пресс.

Закончив гимнастику, Стюарт надевал красивый шерстяной халат, опоясывался шнуром и шел в ванную. Тихонько пройдя мимо комнаты родителей, мимо чулана, где хранился пылесос, и мимо комнаты Джорджа, он выходил на лестничную площадку и так добирался до ванной.

В ванной комнате, конечно, тоже было темно, но отец предусмотрительно привязал к висячему выключателю длинный шнур. Он доставал до самого пола. Ухватив шнур повыше, Стюарт дергал его изо всех сил и включал свет. Он болтался на шнуре в длинном до пят халате – ну точь-в-точь маленький старый монах, который раскачивает веревку от колокола.

Чтобы добраться до умывальника, Стюарту приходилось взбираться по веревочной

Стюарт Литл

лестнице, которую приспособил для него отец. Джордж обещал сделать ему маленький умывальник на расстоянии двух с половиной сантиметров от пола и прикрепить к нему трубочку вместо крана, но Джордж вечно обещал что-то сделать и тут же забывал. Поэтому каждое утро Стюарт взбирался по лестнице к общему умывальнику – умыться и почистить зубы. Миссис Литл позаботилась о том, чтобы у него была щеточка, кусочек мыла, полотенце и гребешок – и все кукольного размера. Гребешком он причесывал усы. Свои умывальные принадлежности он носил в кармане купального халата. Поднявшись по лесенке, он раскладывал их на умывальнике и только потом открывал кран. Для такого маленького существа открыть кран целая проблема, и после нескольких неудачных попыток он обсудил ее с отцом.

Глава IV Гимнастика

Однажды ясным майским утром, когда Стюарту было три года, он, как всегда, поднялся рано, умылся, оделся, взял шляпу, трость и спустился в гостиную посмотреть, что там происходит.

В гостиной был только Снежок, большой кот миссис Литл. Снежок тоже рано вставал. В то утро он лежал на ковре посреди комнаты и вспоминал свое кошачье детство.

– Доброе утро, – сказал Стюарт.

– Привет, – процедил Снежок. – Ранехонько же ты встаешь.

Стюарт поглядел на часы:

– Да, сейчас еще только пять минут седьмого. Но я выспался, так что решил спуститься сделать гимнастику.

– Мне казалось, ты уже делал зарядку в ванной. Такой дикий стук поднял, всех нас перебудил – ему, видите ли, надо было открыть кран, чтобы почистить зубки. Да твои зубы и чистить нечего. Видел когда-нибудь настоящие зубы? Смотри!

Снежок раскрыл рот, обнажив два ряда великолепных белых зубов, острых как иглы.

– Хороши, – сказал Стюарт. – Но и у меня зубы тоже недурны, только маленькие. А уж позаниматься гимнастикой я никогда не упускаю случая. Спорим, брюшные мышцы у меня тверже твоих.

– Спорим, что нет.

– А вот спорим, что да. Они как железные.

– Спорим, что нет.

Стюарт обвел глазами комнату, ища способ продемонстрировать Снежку мышцы живота. Взгляд его упал на оконную штору. На ней, словно гимнастическая трапеция, висело кольцо на веревке. Стюарта сразу же осенило. Вобразившись на подоконник, он снял шляпу и положил трость.

– Тебе так не сделать! – крикнул он коту. Разбежавшись, он, как акробат в цирке, подпрыгнул, ухватился за кольцо и хотел подтянуться. Но тут случилось непредвиденное. Резкий прыжок привел в движение штору, она с громким треском свернулась и подскочила до самого карниза, увлекая мышонка. Он оказался закатанным внутрь так крепко, что не мог шелохнуться.

– Святая скумбрия! – воскликнул Снежок. Он удивился не меньше самого Стюарта. – Может, это отучит его хвастаться своими мышцами.

– Помогите! Выпустите меня! – кричал Стюарт.

Он был весь в ушибах и так напуган, что едва дышал. Но голосок у него был слабый, и никто его не услышал.

Снежок довольно ухмыльнулся. Он не любил Стюарта, и его мало беспокоило, что Стюарт задыхался внутри шторы, плакал от боли и не мог выбраться наружу. Вместо того чтобы побежать наверх и сказать мистеру и миссис Литл о том, что произошло, он повел себя самым странным образом. Воровски оглянувшись, он мягко прыгнул на подоконник,

Стюарт Литл

взял в зубы шляпу и трость Стюарта, отнес в кладовку и положил у входа в мышиную нору.

Когда спустя некоторое время миссис Литл обнаружила их в кладовке, она так громко закричала, что домашние бросились к ней со всех ног.

– Я знала, что это случится! – воскликнула она.

– Что случилось?

– Стюарт убежал в норку!

Глава V Спасен

Джорджу досталась честь ломать пол в кладовке. Он помчался со всех ног и принес молоток, отвертку и стамеску.

– Мигом вскрою этот трухлявый пол, – заявил он, всадив отвертку под половицу у самой двери и дергая изо всех сил на себя.

– Нет. Мы не будем ломать пол, пока не обобщем все как следует, – решительно сказал мистер Литл. – И никаких возражений, Джордж. Отнеси молоток туда, откуда ты его взял.

– Пожалуйста, – сказал Джордж обиженным голосом. – Теперь я вижу: всем, кроме меня, наплевать на Стюарта.

Миссис Литл заплакала:

– Бедный мой сыночек, он там застрянет где-нибудь, ему уже оттуда не выбраться.

– Если тебе неудобно путешествовать по мышиным ходам, совершенно не значит, что Стюарту там плохо, – заметил мистер Литл. – Прошу тебя, перестань нервничать.

– Может, засунуть туда еды? – предложил Джордж. – Я видел, так делала полиция, когда человек застрял в пещере.

Он вихрем кинулся на кухню и принес блюдце с яблочным соком.

– Нальем сок в нору, он прямо подтечет к Стюарту. – Зачерпнув чайной ложкой соку, он поднес ее к дыре.

– Прекрати немедленно! – взревел мистер Литл. – Предоставь мне решать, что надо делать. Сейчас же унеси сок! – Он гневно посмотрел на Джорджа.

– Хотел помочь родному брату. – Джордж, скорбно качая головой, понес блюдце назад на кухню.

– Давайте покричим Стюарта, – предложила миссис Литл. – В норе ведь есть боковые ходы и от ветвления. А вдруг он заблудился?

– Давайте, – согласился мистер Литл, – считаю до трех. Потом мы все сразу зовем его, после чего делаем трехминутную паузу и ждем ответа.

Он вынул часы. Все трое, мистер и миссис Литл и Джордж, встали на четвереньки, наклонившись как можно ближе к норе, и дружно крикнули: «Стю-у-у-арт!» После чего сделали трехминутную паузу.

Старт, крепко зажатый внутри закатанной шторы, услышал свое имя и крикнул что было мочи:

– Я здесь!

Но голос доносился так слабо, что никто из членов семьи не расслышал ответного писка.

– Еще раз! – скомандовал мистер Литл. – Раз, два, три! Стю-у-у-арт!

Но все напрасно. Никто не отозвался. Миссис Литл поднялась к себе, легла на постель и зарыдала. Мистер Литл подошел к телефону и позвонил в Бюро по Розыску Пропавших Людей.

Однако когда его попросили описать наружность Стюарта и он сказал, что в Стюарте всего пять сантиметров роста, трубку раздраженно повесили. Джордж между тем спустился в погреб и стал там искать еще один вход в нору. Он передвинул с одного конца погреба на другой кучу чемоданов, саквояжей, цветочных горшков, корзин, картонок и ломаных стульев, чтобы добраться до той части стены, где, по его мнению, могла находиться нора. Но

Стюарт Литл

там ничего не оказалось. Зато он нашел отцовский давно заброшенный тренировочный станок для гребли. Он с трудом приволок его к себе наверх и все утро занимался тем, что греб.

Во время второго завтрака (о первом все забыли) осиротевшее семейство уселось за телячье жаркое, приготовленное миссис Литл. Печальный это был завтрак. Все старались не смотреть на пустой стульчик Стюарта на столе рядом со стаканом воды для миссис Литл. Есть никто не мог – так все были расстроены. Один только Джордж проглотил немного сладкого. После завтрака миссис Литл снова ударилась в слезы. Ей кажется, сказала она, что Стюарта нет в живых.

– Чепуха, какая чепуха! – проворчал мистер Литл.

– Если Стюарт умер, надо опустить шторы во всем доме, – выпалил Джордж.

Он вскочил со стула и опрометью бросился к окну.

– Джордж! – закричал в отчаянии мистер Литл. – Ты будешь наказан, если не перестанешь вести себя таким идиотским образом. У нас и так хватает огорчений без твоих глупых выходов.

Но Джордж уже успел влететь в гостиную, чтобы и там затемнить окна в знак уважения к покойному. Он дернул за шнур, и из шторы прямо на подоконник вывалился Стюарт.

– Вот так история! – сказал Джордж. – Мам, смотри, кто здесь!

– Очень и очень вовремя. Все, что я могу сказать, – промолвил Стюарт.

Он совсем ослабел и едва держался на ногах от голода.

Миссис Литл была так счастлива его видеть, что снова заплакала. Всем не терпелось узнать, что же все-таки произошло.

– Простая случайность. С каждым такое могло приключиться, – сказал Стюарт. – А вот почему мои шляпа и трость очутились у входа в мышиную нору – судите сами.

Глава VI Попутный бриз

Однажды утром, когда дул западный ветер, Стюарт надел свой матросский костюмчик и бескозырку, достал с полки подзорную трубу и отправился на прогулку, исполненный жизнерадостности и страха перед собаками. Вразвалку, как заправский моряк, он двинулся по направлению к Пятой авеню, зорко глядя по сторонам.

Завидев в подзорную трубу пса, он спешил к ближайшему подъезду, где стоял швейцар, быстро взбирался по его штанине и прятался в складках ливреи.

Один раз, когда швейцара поблизости не оказалось, он нырнул в старую газету и, зарывшись в страницу с объявлениями, пересидел там опасность.

На углу Пятой авеню несколько человек ждали автобус из центра. Стюарт присоединился к ним и тоже стал ждать. Но никто его не заметил – так он был мал.

«Я недостаточно велик ростом, чтобы обратить на себя внимание, – подумал Стюарт. – Но я вполне дорос до того, чтобы мне захотелось побывать на Семьдесят второй улице».

Когда наконец показался автобус, люди замахали тростями и чемоданчиками, чтобы шофер остановился. Стюарт тоже замахал подзорной трубой. Понимая, что ему не взобраться на ступеньки, он уцепился за отворот чьих-то брюк и без хлопот очутился наверху.

Стюарт не платил в автобусах – ему не под силу было носить кошелек с обычными деньгами. Как-то *он* попытался взять с собой монету, но ему пришлось катить ее, как обруч, и бежать рядом. Но на подъеме монета выскользнула у него из-под руки и ее тотчас жеподхватила какая-то беззубая старуха. После этого случая Стюарт довольствовался монетками из серебряной фольги, которые специально вырезал для него отец. Монетки были прехорошенькие, но для того чтобы их разглядеть, нужно было надеть очки. Когда подошел кондуктор, Стюарт порылся в кошельке и достал монету размером с глаз кузнечика.

– Что ты мне даешь? – спросил кондуктор.

Стюарт Литл

– У меня такие монеты.

– Да ну? Представляю, когда я начну объяснять про это автобусной компании, как меня поднимут на смех. А ты и сам не больше монеты.

– Нет больше! – ответил Стюарт с раздражением. – В два раза больше, монета мне до сих пор. – И Стюарт дотронулся до бедра. – А вообще-то я сел в автобус не для того, чтобы выслушивать оскорбления.

– Прошу прощения, – сказал кондуктор. – Вы меня извините, я ведь не представлял себе, что на свете есть такие маленькие моряки.

– Век живи, век учись, – съязвил Стюарт, засовывая кошелек обратно в карман.

Как только автобус остановился на Семьдесят второй улице, Стюарт соскочил с него и направился к пруду в Центральном парке, где плавали маленькие яхты. Над прудом дул западный ветер. И прямо против ветра шли шлюпы и шхуны с опущенными гиками. Мокрые палубы блестели на солнце. Владельцы судов, мальчишки и взрослые мужчины, носились вокруг пруда по его бетонным берегам, чтобы вовремя перехватить свой парусник, прежде чем он натолкнется на стенку.

Некоторые из этих игрушечных судов были совсем не такие уж маленькие. Вблизи выяснялось, что грот-мачты у них чуть выше человеческого роста. Все они были прекрасной конструкции, блестели чистотой, хоть пускай в открытое море. Стюарту они казались огромными. Он очень надеялся, что ему удастся попасть на один из этих парусников и пройти на нем до дальнего конца пруда. Он был смельчаком и любил бриз, дующий в лицо, крики чаек над головой и удары мощных волн о днище корабля.

Он уселся скрестив ноги прямо на бетонную ограду и в подзорную трубу стал обозревать суда. Один из парусников показался ему особенно красивым величественным. Назывался он «Оса». Большая черная шхуна, на ней развевался американский флаг, она была с клиперным носом, а на баке стояла трехдюймовая пушка. «Вот судно для меня!» – подумал Стюарт. Когда шхуна вновь появилась с его стороны, он помчался к месту, где она разворачивалась.

– Простите меня, сэр, – обратился он к человеку, который поворачивал «Осу», – не вы ли владелец этой шхуны?

– Я, – ответил человек, пораженный тем, что перед ним мышонок в матросском костюме.

– Я хочу наняться на хорошее судно, – продолжал Стюарт. – Может быть, вы согласитесь взять меня? Я силен и ловок.

– Непьющий?

– Я знаю, что такое долг.

Владелец «Осы» пристально поглядел на Стюарта. Его явно покорили подтянутый вид и бесстрашие этого крошечного мореплавателя.

– Решено! – сказал он наконец, направив шхуну носом к центру пруда. – Сейчас я тебе расскажу, что ты должен делать. Видишь вон там большой гоночный шлюп?

– Вижу, – сказал Стюарт.

– Это «Лириан Уомрат». Я ее ненавижу всей душой.

– Значит, и я! – воскликнул Стюарт в порыве преданности.

– А ненавижу я ее за то, что она вечно врезается в мое судно, – продолжил владделец «Осы». – И еще оттого, что хозяин ее – мальчишка-лодырь, он ничего не смыслит в парусном спорте и вряд ли знает разницу между тралом и шквалом.

– Или шкотом и ботом, – подхватил Стюарт.

– Или доком и коком, – во весь голос крикнул владделец «Осы».

– Или штилем и килем, – взвизгнул Стюарт.

– Или спрутом и футом, – проревел владделец «Осы».

– Но теперь держись! Больше этого не будет! Послушай, что я придумал. «Лириан Уомрат» всегда обгоняет «Осу». Но я уверен, что, если шхуной как следует управлять, все

Стюарт Литл

пошло бы по-другому. Ты да же не представляешь, какое мучение беспомощно стоять здесь на берегу и видеть, как «Оса» тычется вслепую. Единственное, чего ей недостает, – это крепких рук на штурвале. Итак, мой юный друг, ты поведешь «Осу» до конца пруда и обратно, и, если обгонишь гнусный шлюп, я беру тебя на постоянно.

– Есть, сэр! – ответил Стюарт, перемахнув на борт шхуны и берясь за штурвал. – По местам стоять!

– погоди, – остановил его владелец «Осы». – Скажи мне, если не секрет, каким способом ты собираешься обойти то судно?

– Поднять все до последней тряпки, – сказал Стюарт.

– Нет уж, уволь! – испуганно воскликнул владелец «Осы». – Только не на моей шхуне. Я не желаю, чтобы ее опрокинуло шквалом.

– Ну хорошо, тогда я перехвачу у него ветер и разнесу из последнего орудия.

– Подлый прием. Это ведь лодочные гонки, а не морское сражение.

– Ну ладно, – согласился неунывающий Стюарт. – Тогда я поведу «Осу» без всяких хитростей, и пусть «Лилиан Уомрат» рыщет по всему пруду.

– Bravo! – закричал владелец «Осы». – Желаю удачи!

С этими словами он отпустил шхуну. Свежий бриз тут же надул передние паруса, и шхуна увалилась под ветер, легла на левый галс, изящно накреньясь под налетающими порывами, а Стюарт вращал штурвал, упираясь в палубу.

– Послушай! – вдруг окликнул его владелец «Осы». – Ты не сказал, как тебя зовут.

– Меня зовут Стюарт Литл! – что было мочи за орал Стюарт. – Младший сын Фредерика К. Литла из Нью-Йорка!

– Счастливого плавания, Стюарт! – прогудел его друг. – Береги себя и приведи «Осу» в целости и сохранности.

– Непременно! – ответил Стюарт, перекивая ветер.

Он был так горд и счастлив, что на секунду выпустил из рук штурвал и пустился в пляс на уходящей из-под ног палубе. Он так никогда и не узнал, что в эту минуту «Оса» едва избежала столкновения со встречным фрахтовым пароходом, у которого вышли из строя машины и палубы залило водой.

Глава VII Парусные гонки

Когда гуляющие в Центральном парке услышали, что одним из парусников правит мышонок в морской форме, они со всех ног бросились к пруду. Вскоре на берегу столпилось такое множество народу, что из полицейского участка прислали полисмена, чтобы он прекратил толчею. Но на его уговоры никто не обращал внимания.

Жители Нью-Йорка любят толкаться. Больше всех суетился владелец «Лилиан Уомрат» – толстый угрюмый мальчишка лет двенадцати по имени Лерой. На нем был синий шерстяной костюм и белый галстук, закапанный апельсиновым соком.

– Вернись! – вдруг закричал он Стюарту. – Заворачивай сюда! Скорее! Переходи на мой шлюп!

Я хочу, чтобы ты вел мой шлюп! Обещаю пять долларов в неделю, вторник выходной и радио в комнате бесплатно!

– Благодарю за любезное приглашение, – ответил Стюарт. – Но мне здесь, на борту «Осы», так хорошо – лучше быть не может.

Тут он крутанул штурвал и направил шхуну к линии старта, где в ожидании начала гонок Лерой вертел свой шлюп, тыча в него длиннющей палкой.

– Я буду судить, – сказал человек в ярко-зеленом костюме. – «Оса» готова?

– Готова, сэр! – крикнул Стюарт, приложив руку к бескозырке.

– «Лилиан Уомрат» готова?

– Готова, какой разговор, – ответил Лерой.

Стюарт Литл

– К северной оконечности пруда и обратно! – объявил громко судья. – На старт, приготовиться, пошел!

– Пошел! – крикнул кто-то из толпы.

– Пошел! – закричал владелец «Осы».

– Пошел! – заорал полицейский.

Суда, снявшись с места, двинулись к северному концу пруда.

Над ним носились и кричали чайки, сигналили такси на Семьдесят второй улице, и западный ветер, который пересек половину Америки, прежде чем добрался до Центрального парка, пел и свистел в такелаже, рассеивал брызги по палубам и обжигал щеки Стюарта крохотными кусочками раздробленных ореховых скорлупок, выхваченных вихрем из вспененной пучины.

– Вот это жизнь! – пробормотал Стюарт. – Какое судно! Какой день! Какие гонки!

Не успели, однако, наши парусники пройти и нескольких футов, как на берегу случилось непредвиденное происшествие. Зрители, желая получше разглядеть гонки, все сильнее толкали друг друга и, сами того не желая, столкнули полицейского, так что он полетел с бетонной ограды прямо в пруд. Он шлепнулся в воду в сидячем положении и сразу же вымок до третьей пуговицы на мундире. Вода с него стекала ручьем.

Мало того что этот полицейский был огромный и грузный мужчина, к тому же он только что съел очень плотный завтрак. От него побежали волны и барашки, они пенились и росли, опрокидывая на своем пути все мелкие суденышки и заставляя владельцев парусников вскрикивать от восхищения и ужаса.

Когда Стюарт увидел, что приближается высокий вал, он кинулся к вантам, но было поздно. Вода горой обрушилась на судно, заливая палубу. Она подхватила Стюарта – и перекинула его за борт в воду. Все на берегу решили, что он утонул. Но Стюарт и не собирался тонуть. Он всю работу ногами и хвостом и через несколько минут, продрогший и вымокший до нитки, но живой и невредимый, взобрался на палубу шхуны. Когда он снова занял свое место у штурвала, он услышал приветственные крики и свое имя. Люди кричали на берегу: «Браво, мышонок! Браво, Стюарт!»

Оглядев пруд, он обнаружил, что волна положила и «Лириан Уомрат», но что судно уже выправилось и следовало прежним курсом недалеко от «Осы». Оно так и шло за ней по пятам до северной оконечности пруда. Здесь Стюарт повернул «Осу», и то же самое сделал Лерой с помощью своей палки. Теперь оба парусника двинулись к финишу. «Гонки еще не кончились», – подумал Стюарт.

Первое предупреждение об опасности он получил, когда заглянул в каюту и увидел, что барометр резко упал. На море это всегда означает только одно – ухудшение погоды. Внезапно на солнце надвинулась темная туча и закрыла его целиком, оставив землю в тени. Стюарт дрожал от холода в своей намокшей одежде. Он поднял воротник матроски и обернул его вокруг шеи. Высмотрев в подзорную трубу владельца «Осы», он замахал бескозыркой и прокричал:

– Надвигается шторм, сэр! Ветер заходит на юго-запад, жестокое волнение, барометр падает!

– Погода не главное! – последовал ответ. – Смотри, что у тебя впереди!

Стюарт всмотрелся в надвигающийся шторм, но ничего не увидел, кроме белых гребешков волн. Мир вокруг вдруг стал холодным и зловещим. Стюарт оглянулся. Позади шел шлюп, быстро набирая скорость и покачиваясь на волнах.

– Стюарт, смотри! Смотри, куда правишь!

Стюарт всюду напрягал глаза и вдруг прямо перед самым носом шхуны увидел огромный бумажный пакет, смутно вырисовывавшийся на поверхности воды. Пакет был пустой и длинный, с разинутым отверстием, зияющим, как вход в пещеру. Стюарт бешено крутил штурвал, но поздно: бушприт «Осы» угодил прямо в мешок – с жутким шипением шхуна замедлила ход и, хлопая всеми парусами, замерла.

Стюарт Литл

В то же мгновение Стюарт услышал ужасающий треск и увидел, что нос «Лириан» вонзился в его парус. Он почувствовал, как от резкого толчка судно дрогнуло всем корпусом – от носа до кормы.

– Столкновение! – заорали в толпе.

Секунда – и снасти парусников безнадежно перепутались.

На берегу радостно завизжали и запрыгали мальчишки. Между тем пакет дал течь и начал наполняться водой.

«Оса» не могла двинуться, так как ей мешал бумажный пакет. «Лириан» не могла сойти с места, потому что нос ее застрял в парусе «Осы».

Размахивая руками, Стюарт подбежал к пушке и выпалил.

Вдруг среди голосов зрителей он различил голос владельца «Осы», громко подающий ему советы:

– Стюарт! Стюарт! Майна кливер! Майна фок!

Стюарт бросился к фалам – кливер и фок рухнули на палубу.

– Руби бумажный пакет! – проревел голос.

Стюарт выхватил перочинный нож и начал отважно крошить набухший от воды пакет, пока палуба не очистилась от бумаги.

– А теперь подними фок и давай полный! – завопил владелец «Осы».

Стюарт ухватился за фока-гик и потянул его изо всех сил. Шхуна медленно развернулась и стала набирать ход. Как только она накренилась, ее снасти высвободились из-под носа «Лириан», и, стряхнув шлюп с себя, «Оса» взяла курс на юг. Громкий приветственный крик донесся с берега.

Стюарт прыгнул к штурвалу и ответил на приветствия.

Оглянувшись, он увидел, что «Лириан», к его великой радости, сбилась с курса и рыщет по пруду.

Прямо и ровно неслась «Оса» со Стюартом у руля. После того как шхуна перешла финишную линию, Стюарт направил ее вдоль стенки пруда. Здесь его подхватили, подняли на берег и наградили множеством похвал за то, что он проявил себя таким умелым и отважным моряком.

Владелец «Осы» был просто счастлив и сказал, что это лучший день в его жизни. Он представился Стюарту и сообщил ему, что его зовут доктор Поль Кери и что по профессии он зубной врач. Еще он добавил, что модели яхт – его хобби и что он в любое время с радостью вручит Стюарту управление своим парусником. Все стремились пожать руку Стюарту, все, кроме полицейского – он был до того мокрый и злой, что не желал пожимать руку мышши.

Когда вечером Стюарт вернулся домой, Джордж не преминул спросить его, где он весь день пропадал.

– Да так, слонялся по городу, – ответил Стюарт.

Глава VIII Маргало

Оттого что Стюарт был такой крошечный, его трудно было отыскать в доме. Отец, и мать, и старший брат Джордж часто не могли подолгу его найти, и им постоянно приходилось кричать. Отовсюду только и слышалось: «Стю-у-у-арт! Стю-у-у-арт!» Даже войдя в комнату, где Стюарт лежал, свернувшись в кресле, его легко было не заметить. Мистер Литл жил в вечном страхе потерять его безвозвратно. Чтобы проще было его искать, он сделал ему красную маленькую шапочку, наподобие тех, что носят охотники.

Один раз, когда Стюарту было семь лет, он сидел на кухне и смотрел, как мать печет саговый пудинг. Он проголодался и, воспользовавшись тем, что миссис Литл открыла зачем-то холодильник, юркнул внутрь поискать кусочек сыра. Он не сомневался, что мать заметила его, поэтому, когда дверца вдруг захлопнулась и он понял, что ему не выйти, он

Стюарт Литл

был потрясен.

– Помогите! – закричал он. – Тут темно! Тут холодно! Помогите! Выпустите меня! Замерзаю!

Но его слабый голосок не проникал сквозь плотные стенки холодильника. В темноте Стюарт споткнулся и упал в блюдо со сливовым компотом. Компот был холодный, Стюарт дрожал и стучал зубами. Только через полчаса миссис Литл вновь открыла холодильник и обнаружила Стюарта: он стоял на масленке и пытался согреться, прыгая и дуя на руки.

– Какой кошмар! – воскликнула в ужасе миссис Литл. – Стюарт, моя бедная крошка!

– Нельзя ли глотнуть коньячку? – спросил Стюарт. – Я продрог до костей.

Но вместо коньяка мать сварила ему горячий бульон. Она уложила его в кровать и приложила к ногам кукольную грелку. И все-таки Стюарт сильно простудился, простуда перешла в бронхит, и он около двух недель пролежал в постели.

Во время болезни родные были особенно ласковы с ним, миссис Литл играла с ним в крестики и нолики. Джордж сделал ему трубочку, чтобы пускать мыльные пузыри, лук и стрелы. Мистер Литл смастерил ему коньки из двух скрепок.

Однажды после обеда миссис Литл подошла к окну, чтобы вытряхнуть пыльную тряпку. День был прохладный. И вдруг на подоконнике она увидела птичку, как ей показалось, мертвую. Она взяла ее и положила у радиатора.

Вскоре птичка зашевелила крылышками и открыла глаза. Она была хорошенькая и совсем еще

молоденькая, коричневая с желтым пятнышком на груди. Литлы никак не могли решить, какой она породы. – Она из вьюрковых, – заявил с ученым видом Джордж. – Нет, скорее это молодой крапивник, – сказал мистер Литл.

Так или иначе, но птичке отвели место в гостиной, накормили и поставили чашечку с водой. Вскоре она почти оправилась и скакала по всему дому, внимательно, с любопытством присматриваясь ко всему окружающему. Перескакивая со ступеньки на ступеньку, она добралась и до комнаты Стюарта, где он лежал в постели.

– Хэлло, – сказал Стюарт. – Кто ты? Откуда ты?

– Меня зовут Маргало, – сказала птичка мягким звучным голосом.

Стюарт сел в постели.

– Повтори, что ты сказала, – попросил он.

– Не могу, – ответила Маргало. – У меня болит горло.

– И у меня, – сказал Стюарт. – Я болен бронхи том. Ты лучше не подходи близко, а то заразишься.

– Я постою у двери, – сказала Маргало.

– Если хочешь, возьми у меня полоскание, – предложил Стюарт. – И тут еще капли от насморка. И бумажных салфеток сколько угодно.

– Благодарю тебя, ты очень любезен, – ответила птичка.

– А температуру тебе измерили? – Стюарта вдруг серьезно обеспокоило здоровье новой приятельницы.

– Нет, но, наверное, это и необязательно.

– Но все же лучше, когда знаешь наверняка, – сказал Стюарт. – Мне было бы очень неприятно, если бы с тобой что-нибудь случилось. Лови!

Он бросил ей термометр. Маргало поставила его под язык, и три минуты они сидели молча. Затем она вынула градусник и начала его медленно и осторожно поворачивать, чтобы разглядеть температуру.

– Нормальная, – наконец объявила она. Стюарт почувствовал, что сердце у него забилось от радости. Ему казалось, что он никогда не встречал существа прекраснее этой маленькой птички и что он полюбил ее.

– Надеюсь, мои родители позаботились, чтобы у тебя было удобное место для сна? – осведомился он.

Стюарт Литл

– Да, – сказала Маргало. – Я буду спать в папоротнике, на этажерке в гостиной. Это хорошее место, принимая во внимание городские условия. А сейчас, ты меня прости, я пойду спать. За окном темнеет – я всегда ложусь спать с заходом солнца. Спокойной ночи, сэр.

– Прошу тебя, не называй меня «сэр». Зови меня просто Стюарт.

– Ладно, – согласилась птичка. – Спокойной ночи, Стюарт.

С этими словами она удалилась легкими прыжками.

– Спокойной ночи, Маргало! – крикнул ей вслед Стюарт. – До завтра!

Стюарт снова забрался под одеяло.

– Какая замечательная птичка! – прошептал он, мечтательно вздохнув.

Когда чуть позже миссис Литл вошла в комнату, чтобы поправить Стюарту одеяло и пожелать ему спокойной ночи, Стюарт спросил ее, не опасно ли Маргало спать в гостиной.

– По-моему, ей ничего не грозит, дорогой, – ответила миссис Литл.

– А кот Снежок? – настойчиво спросил Стюарт.

– Снежок не тронет птичку, – сказала мать. – Спи и не думай об этом.

Миссис Литл распахнула окно и погасила свет. Стюарт закрыл глаза и долго лежал в темноте, но заснуть никак не мог. Он ворочался, менял положение, измял и переворошил всю постель. Из головы не шла птичка, спящая внизу на папоротнике. Не мог Стюарт забыть и про Снежка, ему чудился недобрый блеск его глаз. Наконец, не выдержав, он зажег свет.

– У меня какое-то природное недоверие к кошкам, – пробормотал он. – Не могу спать, зная, что Маргало грозит опасность.

Откинув одеяло, Стюарт выбрался из постели. Затем он надел халат и домашние туфли. Захватив с собой лук, стрелу и фонарик, он на цыпочках пошел в холл. Все уже легли, и дом был погружен во мрак. Стюарт добрался до лестницы и так же осторожно и медленно спустился в гостиную, не задев ни одного предмета. В горле у него першило, и слегка кружилась голова.

«Я, конечно, еще болен, но дело не терпит», – подумал он.

Стараясь не шуметь, он пробрался к книжной полке и по шнуру влез наверх. При слабом отсвете уличного фонаря Стюарт смутно различил Маргало: она спала на папоротнике, спрятав голову под крыло.

«Да смежит сон твои очи, и покоя исполнится сердце», – прошептал он слова, однажды слышанные в кино. Затем он притаился за подсвечником и стал ждать, напряженно всматриваясь в темноту. Полчаса все было спокойно: он слышал только легкий шелест крылышек Маргало, когда она шевелилась во сне. Часы громко пробили десять, и не успел замереть звук последнего удара, как из-под дивана сверкнули два желтых глаза. «Ну все, – подумал Стюарт. – Начинается!»

Он приготовил лук. Глаза приближались. Стюарту стало страшно. Но он был храбрый мышонок, и храбрости его не убавило даже больное горло. Он вложил стрелу в лук и стал ждать. Снежок на мягких лапах крался к полке. Он бесшумно прыгнул в кресло, откуда было легко достать до папоротника, где спала Маргало, и приготовился к прыжку. Хвост ходил ходуном, глаза ярко светились. Стюарт решил, что настало время. Он выступил из-за подсвечника, опустил на одно колено, натянул тетиву и прицелился в левое ухо Снежка, ближайшее к нему.

«Это лучшее, что я сделал в жизни», – подумал он, стреляя прямо в ухо.

Снежок завизжал от боли и бросился на кухню.

– Метко попал! – воскликнул Стюарт. – Ну прекрасно! На сегодняшнюю ночь хватит!

И он послал воздушный поцелуй спящей птичке. Еще через несколько минут вконец обессиленный мышонок забрался в кровать – сил не было, но зато теперь он мог спокойно уснуть.

Глава IX На волосок от смерти

Стюарт Литл

Маргало так понравилось в доме у Литлов, что она решила еще немного погостить и отложила срок своего возвращения на волю. Они очень подружились со Стюартом, и Стюарту его подруга с каждым днем казалась все краше. Втайне он надеялся, что она никогда его не покинет.

Как-то раз, когда Стюарт совсем уже оправился от бронхита, он взял новые коньки, надел лыжные штаны и пошел на поиски катка. Не успел он отойти от дому, как увидел ирландского терьера.

Он мигом вскарабкался на железные ворота, прыгнул в бак с кухонными отбросами и спрятался в пучке сельдерея. Пока он отсиживался там, ожидая, когда уйдет собака, подъехала машина санитарного управления и двое рабочих подняли бак. Стюарт почувствовал, что он неожиданно взмыл куда-то в воздух. Заглянув через край, он сообразил, что еще мгновение – и его вместе со всем содержимым бака перекинут в большой грузовик.

«Я разобьюсь, если прыгну», – подумал он. Поэтому он снова спрятался и решил ждать.

Рабочие швырнули бак в машину, стоявший там третий рабочий перевернул бак вверх дном и вытряхнул. Стюарт вниз головой на полметра зарылся в мокрые скользкие отбросы. Вокруг были одни нечистоты, источавшие ужасный запах, – над ним, под ним, со всех четырех сторон. Гигантский мир отбросов, мусора и вони. Это был сплошной ад. Ему на штаны налипло яйцо, на шапку – масло, рубашка пропиталась мясной подливкой, ухо было забито мякотью апельсина, а вокруг пояса обвилась банановая кожура.

Все еще держа в руках коньки, Стюарт попытался выбраться на поверхность. Ноги вязли. *Он* хотел вскарабкаться на горку из кофейной гущи, дополз почти доверху, как вдруг *гуща* осела, он начал скользить по ней вниз и приземлился в мокрую жижу из остатков рисового пудинга.

– Меня вырвет, прежде чем я успею отсюда выбраться, – сказал он себе.

Ему не терпелось поскорее очутиться наверху, так как он боялся, что его засыпят новой порцией отбросов из следующего бака. Когда он, измученный и пропахший насквозь, наконец вылез и свежий воздух, он увидел, что машина больше не объезжает дворы, а быстро едет без остановок.

Стюарт взглянул на солнце.

«Мы едем на восток, – подумал он. – Интересно, что бы это могло значить?»

Ему было никак не выпрыгнуть из грузовика, так как борта были слишком высоки. Оставалось одно – терпеливо ждать.

Когда они добрались до Ист-ривер, довольно грязной, но полезной реки на восточной границе Нью-Йорка, грузовик въехал на пирс. Дав задний ход, он подошел вплотную к барже и выгрузил в нее помойку.

Вместе с отходами вверх тормашками полетел и Стюарт. Он со всего размаху ударился обо что-то головой, потерял сознание и около часа пролежал как неживой.

Когда он пришел в себя и огляделся, то увидел, что кругом сплошная вода. Баржа на буксире шла в открытое море.

«Ну вот, случилось самое ужасное из того, что могло случиться, – подумал Стюарт. – Похоже, что это мое последнее путешествие на этом свете». Он знал, что отходы возят за двенадцать миль и сбрасывают в Атлантический океан. «Кажется, я ничего не могу тут поделать. Остается только ждать смерти и встретить ее безбоязненно, как и подобает мужчине. Но все же мне не хотелось бы умереть с яйцом на штанах, в шапке, перепачканной маслом, и в рубашке с пятнами мясной подливки. К тому же и ухо забито апельсином, а на животе нашлепка банановой кожуры».

Мысль о смерти настроила Стюарта на печальный лад. Он вспомнил отца, мать, брата, Маргало и Снежку и стал думать о том, как он их всех любит (всех, кроме Снежки) и что у него прекрасный дом, особенно по утрам, когда свет пробивается сквозь занавески и домашние только просыпаются и начинают шевелиться. Глаза у него наполнились слезами, он представил себе, что больше никогда не увидит своих. Он все еще горько плакал, как

Стюарт Литл

вдруг тихий голосок произнес у него над ухом: «Стюарт!»

Он поднял голову и посмотрел сквозь слезы, и – о чудо! – на брюссельской капусте сидела Маргало.

– Маргало! – закричал Стюарт. – Как ты сюда попала?

– Очень просто, – ответила птичка. – Я смотрела утром в окно, когда ты уходил из дому, и, к счастью, увидела, как ты попал в грузовик. Я тут же вылетела через окно и последовала за грузовиком на тот случай, если тебе понадобится помощь.

– Еще никогда и никого в жизни я не был так рад видеть, – сказал Стюарт. – Но как же ты мне поможешь?

– Мне кажется, тебе надо уцепиться за мои ноги, – сказала Маргало. – Я могу долететь с тобой до берега. Во всяком случае, стоит рискнуть. Сколько ты вешишь?

– Восемьдесят граммов, – ответил Стюарт.

– В одежде?

– Ну естественно, – ответил стыдливо Стюарт.

– Тогда я, наверное, тебя донесу.

– Ну а вдруг у меня закружится голова? – спросил Стюарт.

– Не смотри вниз, тогда не закружится.

– А вдруг меня затошнит?

– Ну так затошнит, – сказала птичка. – Все лучше, чем смерть.

– Да, ты права, – согласился Стюарт.

– Тогда цепляйся. И летим!

Запихнув коньки под рубашку, Стюарт крепко ухватил лодыжки Маргало.

– Готово! – крикнул он.

Взмахнув крыльями, Маргало поднялась в воздух, и вместе они полетели над океаном, держа путь к дому.

– Фу – сказала Маргало, когда они были высоко в небе. – Как от тебя ужасно пахнет, Стюарт.

– Я знаю, – сказал Стюарт мрачно. – Надеюсь, тебя не очень мутит от этого запаха.

– Я еле дышу, – призналась она. – И сердце выскакивает из груди. Тебе нечего бросить, чтобы мне было легче тебя нести?

– Я, наверное, мог бы бросить коньки, – сказал Стюарт.

– Коньки?! Я даже представить себе не могла, что у тебя под рубашкой коньки. Тяжесть какая! Быстро бросай их, а не то мы оба упадем в океан и погибнем.

Стюарт бросил коньки и смотрел, как они падали, пока их не поглотили серые волны.

– Так-то лучше, – сказала Маргало. – Теперь все в порядке. Я вижу башни и трубы Нью-Йорка.

Через пятнадцать минут они влетели в открытое окно гостиной Литлов и сели на папоротник. Миссис Литл, которая специально оставила окно открытым, когда не обнаружила Маргало, очень обрадовалась, она уже начинала беспокоиться. После того как она услышала, что произошло, и поняла, что едва не потеряла сына, она подняла Стюарта и поцеловала, несмотря на ужасный запах, исходивший от его одежды. Затем она отправила его наверх принять ванну, а Джорджа послала отнести в чистку его костюм.

– Ну а как там в Атлантическом океане? – спросил мистер Литл, который никогда не отлучался далеко от дому.

Стюарт и Маргало рассказали все, что теперь знали про океан, про серые волны с белыми барашками.

Про чаек в небе. Про буйки на канале, суда и буксиры и ветер, свистящий в ушах.

Мистер Литл вздохнул и сказал, что он не теряет надежды когда-нибудь освободиться от работы на длительное время, чтобы увидеть все эти прекрасные вещи.

Все благодарили Маргало за то, что она спасла Стюарту жизнь, а за ужином миссис Литл вручила ей крошечный кекс, посыпанный сверху зернышками, который она испекла ей

в подарок.

Глава X Весной

Коту Снежку ночью нравилось больше, чем днем. Может быть, оттого, что глаза его лучше видели в темноте. А скорее, сдается, оттого, что по ночам в Нью-Йорке совершается столько всего увлекательного.

У Снежка по соседству водились знакомые: несколько домашних кошек, остальные – жившие по магазинам. Он был в приятельских отношениях с мальтийским котом из большого гастронома, с белой персидской кошечкой из соседнего многоквартирного дома, с котом черепаховой расцветки из кулинарной лавки, с тигровой кошкой, обитавшей в подвале районной библиотеки. И еще он дружил с роскошной молодой ангорской красавицей, которая сбежала из клетки в зоомагазине и теперь, поселившись в сарае с инструментами, вела привольную жизнь в парке, неподалеку от дома, где жил Стюарт.

В один прекрасный весенний вечер Снежок навещал свою ангорскую приятельницу в парке. Когда он собрался в обратный путь, было уже поздно, стояла восхитительная ночь и приятельница вызвалась проводить его, чтобы прогуляться перед сном. Добравшись до дома мистера Литла, друзья уселись поболтать под виноградной лозой, тянувшейся вверх по стене мимо спальни Джорджа. Эта лоза не раз служила Снежку лестницей, когда ему надо было попасть ночью в дом. Он взбирался по ней и проникал в квартиру через открытое окно спальни. И тут Снежок стал рассказывать своей приятельнице про Маргало и Стюарта.

– С ума сойти! – воскликнула ангорка. – Значит, ты живешь в одном доме с птицей и мышью ровно ничего не предпринимаешь?

– Вот именно, – ответил Снежок. – А что, собственно, я могу поделывать? Не забывай, Стюарт – член семьи, а птица – такой же постоянный гость в доме, как я сам.

– Ну, знаешь, – отозвалась собеседница, – я тебе одно скажу: мне бы твое самообладание.

– Бесспорно, тут нужна железная выдержка, – ответил Снежок. – Но все-таки иногда я чувствую, что такое самообладание даром мне не проходит. Последнее время нервы у меня совершенно расшатались, наверное, из-за того, что я все время себя сдерживаю. Кошки теперь разговаривали во весь голос и не расслышали слабого шуршания у себя над головой. А между тем в виноградной лозе спал сизый голубь, которого разбудили их голоса, и он начал прислушиваться.

«Интересный разговор, – смекнул голубь. – Послушаю-ка еще немножко, может, кое-что и узнаю».

– Ну хорошо, – раздался голос ангорской кошки, – я допускаю, что по отношению к своим хозяевам приходится соблюдать какие-то обязательства и в данной ситуации съесть Маргало было бы с твоей стороны некрасиво. Но я-то не член вашей семьи, и ничто не удерживает меня от того, чтобы ее съесть, разве не так?

– Пожалуй, что да, никаких таких причин мне сразу в голову не приходит, – | согласился Снежок.

– Ну так я пошла. – И кошка полезла вверх по лозе.

Голубь, окончательно к этому времени проснувшись, приготовился было улететь. Но задержался, услышав голос Снежка.

– Погоди минутку, не торопись так. Тебе, по-моему, не стоит соваться туда сегодня.

– Почему?

– Начать с того, что тебе вообще не полагается проникать тайком в наш дом. Действие это незаконное, и ты можешь нарваться на неприятности.

– Не нарвусь.

– А я тебе советую подождать до завтрашнего вечера, – настаивал Снежок. – Завтра не будет дома мистера и миссис Литл, и ты ничем не рискуешь. Ради твоей же пользы говорю.

Стюарт Литл

– Пожалуйста, – согласилась ангорка. – Могу и подождать. Объясни только, где искать птицу, когда я туда заберусь.

– Нет ничего проще. Влезь по лозе наверх, войди в раскрытое окно, спустись по внутренней лестнице и увидишь птицу в папоротнике на книжном шкафу.

– Ну погоди, ведьма! – прошептал голубь и тут же полетел искать клочок бумаги и карандаш.

Снежок тем временем распротился с приятельницей, взобрался по лозе в окно и пошел спать.

Наутро, проснувшись, Маргало заметила на веточке папоротника записку, которая гласила: «Берегись чужой кошки, она явится сегодня ночью». И подпись: «Доброжелатель». Маргало целый день продержала записку под крылом, ломая себе голову – что делать. Показать ее она никому не посмела, даже Стюарту. И даже есть не могла от страха.

– Как же быть? – повторяла она.

Наконец вечером, когда еще не совсем стемнело, она вспрыгнула на подоконник и, не сказав ни единой душе ни слова, улетела. Она полетела на север, как можно скорее на север, так как что-то внутри говорило ей, что именно туда полагается лететь птице, когда наступает весна.

Глава XI Автомобиль

Три дня все в доме искали Маргало, но не нашли ни перышка.

– Я знаю, у нее весенняя лихорадка, – заявил Джордж. – Ни одна нормальная птица не усидит взаперти в такую погоду.

– А может, ее где-то ждет муж, она полетела к нему, – предположил мистер Литл.

– Нет у нее никакого мужа! – прорыдал Стюарт. – Нечего выдумывать всякую чепуху.

– А ты почему знаешь? – спросил Джордж.

– Да потому что я у нее спрашивал! И она ответила, что она одинокая.

Допросили Снежка, но он утверждал, что знать ничего не знает про исчезновение Маргало.

– Не понимаю, почему из меня надо делать разбойника только потому, что эта противная дворняжка сбежала, – раздраженно огрызнулся он.

Стюарт был неутешен. Он потерял аппетит, отказывался от пищи, похудел. Наконец, он надумал тайно уйти из дому и отправиться по свету искать Маргало.

– А заодно поищу счастья, – решил он.

На рассвете следующего дня он достал свой самый большой носовой платок и сложил в него зубную щетку, имевшиеся у него деньги, мыло, расческу, платяную щетку, смену белья и ручной компас.

«Надо захватить чего-нибудь на память о маме», – мелькнуло у него в голове.

Он прокрался в спальню к спящей матери, залез по шнуру от лампы на комод и снял волос с ее гребенки, затем, аккуратно скрутив его, положил к остальным вещам в платок. Он сделал узелок, привязал его к концу спички, надел серую фетровую шляпу, фланговыми сдвинул ее на один бок и с узелком через плечо крадучись вышел из дому.

– До свидания, мой прекрасный дом, – прошептал он. – Увижу ли я тебя когда-нибудь еще?

В нерешительности он помедлил на улице. Мир так велик, где в нем искать пропавшую птичку? Куда двинуться – на север, на юг, на восток или на запад? Стюарт решил, что по столь важному делу надо сперва посоветоваться, и он направился к своему другу доктору Кэри, зубному врачу и владельцу шхуны «Оса».

Доктор обрадовался приходу Стюарта. Он провел его прямо в зубо-врачебный кабинет, где как раз рвал зуб пациенту. Пациент, которого звали Эдуард Клайдсдейл, сидел с широко разинутым ртом, за щекой у него были напиханы комки ваты. Зуб попался трудный, и доктор

Стюарт Литл

разрешил Стюарту посидеть на подносе с инструментами, чтобы во время долгой операции заодно поболтать.

– Мой друг Стюарт Литл, – представил он Стюарта человеку с ватой за щекой.

– Как по-ы-а-ешь, У-ат, – поздоровался как мог пациент.

– Спасибо, отлично, – ответил Стюарт.

– Так что тебя привело ко мне, Стюарт? – Доктор Кэри зажал зуб щипцами и дернул.

– Я убежал из дому, – объяснил Стюарт. – Иду искать по свету счастья и пропавшую птичку. Как вы считаете, в каком мне идти направлении?

Доктор Кэри повернул щипцы и покачал зуб взад-вперед.

– Какого она цвета? – спросил он.

– Коричневая, – ответил Стюарт.

– Лучше идти на север, – посоветовал доктор. – А вы как думаете, мистер Клайдсдейл?

– Поы-и в ен-аль-ом а-ке, – проговорил мистер Клайдсдейл.

– Что? – переспросил Стюарт.

– Он говорит, поищи в Центральном парке, – пояснил доктор, заталкивая пациенту за щеку еще один большой комок ваты. – Неплохой совет. Как ни странно, у людей с большими зубами частенько возникают здравые идеи. Центральный парк – любимое место у птиц весной.

Мистер Клайдсдейл энергично закивал головой и явно вознамерился сказать что-то еще.

– Е-ли не ай-дешь ти-у в ен-аль-ом а-ке, пое-ай пое-ом в Ко-е-ти-ут.

– Что? – переспросил опять Стюарт, в восторге от такой непривычной беседы. – Что вы сказали, мистер Клайдсдейл?

– Он говорит, если не найдешь птицу в Центральном парке, поезжай поездом в Коннектикут, – перевел доктор Кэри и вытащил у мистера Клайдсдейла ватные шарики изо рта.

– Пополощите, пожалуйста!

Мистер Клайдсдейл взял стоявший рядом с креслом стакан и пополоскал рот.

– Скажи мне следующее, Стюарт, – продолжал доктор Кэри. – Как ты путешествуешь? Пешком?

– Да, сэр.

– Знаешь, лучше бы достать машину. Погоди, вот только удалю зуб, и мы что-нибудь придумаем. Откройте рот, мистер Клайдсдейл.

Доктор снова ухватил зуб щипцами. На этот раз он дернул с такой силой и так решительно, что зуб выскочил. Все вздохнули с облегчением, а в особенности мистер Клайдсдейл. После чего доктор повел Стюарта в другую комнату. Там он взял с полки крошечный автомобиль, сантиметров пятнадцать длиной, – совершеннейший из миниатюрных автомобилей. Ярко-желтый, с черными крыльями, изящной обтекаемой формы.

– Я сам его сделал, – объяснил доктор. – Обожаю на досуге мастерить модели машин, кораблей и прочие вещицы. У него настоящий бензиновый мотор. И мощность немалая. Как ты думаешь, Стюарт, справишься ты с ним?

– Безусловно. – Стюарт заглянул на водительское место и нажал на гудок. – А не привлечет слишком много внимания такая маленькая машина? Не станут все останавливаться и глазеть на нее?

– Стали бы, если бы могли ее видеть, – ответил доктор Кэр'и. – Но ни тебя, ни машины им не

увидеть.

– Почему?

– Потому что машина сделана на высоком современном уровне. Она не только бесшумна, но и невидима.

Стюарт Литл

- Но я-то вижу ее, – возразил Стюарт.
- Нажми вот ту кнопочку! – Доктор показал на щиток.
- Стюарт нажал, и машина мгновенно пропала.
- А теперь нажми снова! – скомандовал доктор.
- Как же я ее нажму, если ее не видно?
- Нащупай.

Стюарт пошарил и нащупал кнопку. Он нажал ее, услышал легкий скрежет, и в тот же миг что-то вырвалось у него из-под руки.

– Эй, берегись! – завопил доктор. – Ты нажал кнопку стартера! Машина тронулась! Она уже на другом конце комнаты! Она мечется по комнате, нам в жизни ее не поймать!

Доктор схватил Стюарта и поставил его на стол, чтобы его не задавила мчащаяся машина.

- Какой ужас! Какой ужас! – закричал Стюарт, поняв наконец, что натворил.

Положение было и впрямь безнадежное. Ни доктор Кэри, ни Стюарт не видели машины, и однако она носилась по комнате с включенным мотором, врезаясь в мебель. Послышался страшный грохот около камина. Упала каминная метелка. Доктор прыгнул туда, но опоздал, руки его схватили пустоту, а грохот раздался уже в той стороне, где стояла мусорная корзина.

Доктор бросился туда. Прыжок! Трах! Прыжок! Трах! Доктор метался по комнате, пытаясь схватить машину.

И каждый раз промахиваясь. Почти невысказимо поймать на ходу крошечную да еще невидимую модель автомобиля, даже если ты искусный зубной врач.

Ай! Ай! – кричал Стюарт, подпрыгивая на столе. Простите, доктор Кэри, это я кругом виноват!

- Бери сачок! – прокричал доктор.

Не могу, – отозвался Стюарт, – мне его не поднять.

- Да, верно, я и забыл. Прошу прощения, Стюарт.

– Но должна же она когда-нибудь остановиться, – вдруг осенило Стюарта, – бензин рано или поздно кончится.

– Верно, – обрадованно подтвердил доктор. Они со Стюартом уселись и стали терпеливо ждать.

Наконец треск и грохот утихли. Доктор встал на четвереньки и осторожно пополз по полу, ощупывая его. Машина нашлась в камине, погребенная под золой. Доктор нажал на нужную кнопку, и машина предстала их глазам: передние крылья были помяты, фары разбиты, ветровое стекло тоже, правая задняя шина проколота, радиатор протекал, а желтая краска во многих местах облупилась.

– Кошмар! – простонал доктор. – Стюарт, надеюсь, ты получил урок: никогда не жми на кнопку в машине, если не уверен, что делаешь это правильно.

– Да, сэр. – Глаза у Стюарта наполнились слезами, каждая слезинка была меньше, чем капелька росы. Все шло из рук вон плохо, Стюарт успел со скучиться по дому и уже совсем отчаялся увидеть когда-нибудь Маргало.

Глава XII В школе

Пока доктор Кэри ремонтировал машину, Стюарт ходил по магазинам. По его мнению, пускаясь в долгое путешествие, следовало должным образом экипироваться. Он зашел в игрушечный магазин, где продавались вещи как раз его размера, и оделся там с головы до ног. Он также приобрел чемоданы, рубашки впрок и всякие мелочи. Записав их в кредит, он ушел крайне довольный своими покупками. Ночевал он в квартире у доктора.

На другое утро Стюарт выехал как можно раньше, чтобы избежать сплошного потока транспорта и выбраться на загородное шоссе до того, как его заполнят легковые и грузовые

Стюарт Литл

машины. Он проехал через Центральный парк до Сто десятой улицы, повернул на Вестсайдское шоссе, потом взял к северу до обсаженной с двух сторон деревьями аллеи, идущей вдоль реки у лесопилни. Машина шла безупречно, и, хотя прохожие все-таки пялились на Стюарта, он изо всех сил старался не дотронуться до вчерашней кнопки, наделавшей столько хлопот. Он дал себе клятву ни за что ее больше не касаться.

И вдруг, когда начало всходить солнце, Стюарт увидел человека, в глубокой задумчивости сидевшего на обочине. Стюарт притормозил и высунул голову.

– Вы чем-то озабочены? – спросил он.

– Увы, да, – обреченным голосом ответил высокий человек.

– Не могу ли я вам помочь? – сочувственным тоном осведомился Стюарт. Человек покачал головой:

– Нет, положение, по-моему, безнадежно. Видите ли, я школьный инспектор, я отвечаю за школы в нашем городке.

– Я бы не назвал ваше положение безнадежным, – вставил Стюарт. – Неприятное – да, но не безнадежное.

– Так вот, – продолжал человек, – я вечно сталкиваюсь неразрешимыми проблемами. Сегодня, на пример, заболела одна учительница, мисс Гендерсон, она преподает в школе номер семь. Мне необходимо подыскать ей замену.

– А что с ней? – поинтересовался Стюарт.

– Точно не знаю. Доктор говорит, у нее где-то какие-то камни.

– Так что же, разве нельзя найти другого учителя?

– В том-то и дело, что нельзя. Незанятых учителей нет, а все остальные в этом городе невежественные. Уроки начнутся через час.

– Если вас устроит, я с удовольствием заменю на денек мисс Гендерсон, – любезно предложил Стюарт.

Инспектор встрепнулся:

– В самом деле?

– Безусловно, с большой охотой. – Стюарт открыл дверцу и вышел. Обойдя машину, он достал из багажника чемодан. – Раз уж придется вести урок в школе, пожалуй, лучше снять этот спортивный наряд и облачиться во что-нибудь более подходящее.

Он взобрался на откос, скрылся за кустами и через несколько минут вернулся в крапчатом шерстяном пиджаке, поношенных полосатых брюках, в галстук бантом и в очках. Прежний костюм он уложил в чемодан.

– А вам удастся заставить их соблюдать дисциплину, как вы думаете? – спросил инспектор.

– Безусловно, – ответил Стюарт. – Займу их чем-нибудь интересным, и дисциплина будет соблюдаться сама собой. Не беспокойтесь.

Инспектор поблагодарил его, пожал ему руку, и они разошлись.

Без четверти девять у школы номер семь собрались школьники. Услышав, что мисс Гендерсон заболела и ее заменит незнакомый учитель, они пришли в восторг. «Какой-то новый! Новый!» – шепотом передавали они друг другу.

Весть быстро облетела класс, и вскоре все знали, что им предстоит отдохнуть от мисс Гендерсон по меньшей мере один день, и предвкушали удовольствие познакомиться с абсолютно новым, никому не известным учителем.

Стюарт подъехал ровно в девять. Лихо поставив машину у дверей школы, он храбро вошел в класс и, заметив прислоненную к столу линейку, забрался по ней, как по канату, перебирая руками. На столе он нашел чернильницу, указку, несколько ручек и карандашей, бутылочку чернил, мел, звонок, две шпильки и небольшую стопку книг. Стюарт проворно вскарабкался на книги и всем телом навалился на кнопку звонка. Звонок зазвенел. Стюарт соскользнул на стол, подошел к краю и провозгласил:

– Прошу вашего внимания!

Стюарт Литл

Мальчики и девочки мигом сбежались к столу, им не терпелось разглядеть нового учителя. Они

были вне себя от радости и тараторили все одновременно. Девчонки хихикали, мальчишки фыркали, глаза у всех горели от возбуждения – еще бы, впервые им попался такой маленький, такой симпатичный и франтоватый учитель.

– Прошу вашего внимания! – повторил Стюарт. – Как вам известно, мисс Гендерсон заболела и я заменяю ее.

– А что с ней? – жадно спросил Рой Харт

– Витаминное расстройство, – ответил Стюарт. – Она принимала витамин Д, когда требовался А Принимала В, когда ей не хватало С, и в конце концов организм ее катастрофически пропитался рибофлавином, тиамином, гидрохлоридом и, более того, пиридоксином, а еще неизвестно, полезен ли он человеку или нет. Пусть это послужит для всех уроком!

Он так свирепо засверкал глазами, что больше никто не посмел проявлять любопытство.

– А теперь марш по местам! – приказал Стюарт. Дети послушно потянулись по проходам к своим партам, и в классе сразу наступила тишина.

Стюарт откашлялся, взялся для солидности за лацканы пиджака и начал:

– Кто отсутствует?

– Все тут.

– Кто опоздал?

– Никто не опоздал.

– Отлично! С чего вы обычно начинаете по утрам?

– С арифметики! – хором закричали дети.

– К черту арифметику, – распорядился Стюарт. – Обойдемся без нее.

Школьники в восторге завопили. Весь класс жаждал хотя бы раз обойтись без арифметики.

– Дальше какой урок?

– Правописание! – закричали школьники.

– Имейте в виду, – произнес Стюарт, – неправильно написанное слово – зрелище безобразное. Что может быть достойнее, чем писать без ошибок! Я настойчиво призываю всех обзавестись академическим словарем Вебстера и заглядывать в него в случае малейших сомнений. Так, с правописанием покончено, что дальше?

Ученики с не меньшим ликованием отнеслись к идее покончить с правописанием. Они радостно перекликивались, переглядывались, пересмеивались, размахивали платками и линейками, а некоторые мальчишки под шумок начали кидаться в девочек шариками из жеваной бумаги. Пришлось Стюарту, чтобы восстановить порядок, снова влезть на стопку книг и налечь на звонок.

– Что дальше? – повторил он.

– Письмо!

– Боже правый, – с отвращением проговорил Стюарт, – разве вы до сих пор не научились писать?

– Конечно научились! – завопили дети.

– Ну так и дело с концом, – заключил Стюарт.

– Следующий урок – общественные науки, – услужливо подсказала Элизабет Гарднер.

– Общественные науки? Первый раз слышу. А что если нам сегодня не утруждать себя специальными предметами, а просто поговорить о том о сем?

Как вам нравится такая мысль?

Дети выжидающе переглянулись.

– Нельзя ли поговорить про то, как держишь в руке змею, а она вдруг обвивается вокруг запястья? – предложил Артур Гринлоу.

Стюарт Литл

- Можно, но лучше не стоит, – ответил Стюарт.
- Не поговорить ли нам о грехе и пороке? – умоляюще произнесла Лидия Лейси.
- Ни в коем случае. Еще?
- Может, поговорим про толстую женщину из цирка, у нее еще весь подбородок оброс волосами? – мечтательно попросил Исидор Фейнберг.
- Нет, – отрезал Стюарт. – Вот что я предлагаю – поговорим о Короле Мира. – Он оглядел класс, ища одобрения на лицах детей.
- Никакого Короля Мира нет, – запротестовал Гэрри Джеймисон.
- Какая разница? – настаивал Стюарт. – Нет, так должен быть.
- Короли устарели, – не сдавался Гэрри.
- Ну хорошо, тогда о Председателе Мира. В мире творится беспорядок оттого, что в нем нет Председателя. Я бы сам охотно взялся быть им.
- Вы слишком маленького роста, – возразила Мэри Бендикс.
- Ну и что? – Стюарт был возмущен. – При чем тут рост? Темперамент и знания – вот что главное. Председатель должен обладать знаниями и разбираться в том, что важно. Многие ли из вас знают, что важно?
- Поднялись руки.
- Отлично. – Стюарт закинул ногу на ногу и засунул руки в карманы пиджака. – Генри Рекмейер, скажи нам, что ты считаешь важным?
- Луч солнца в пасмурный день и еще мелодию в музыке.
- Правильно, – одобрил Стюарт. – Важные вещи. Но одно ты забыл. Мэри Бендикс, что забыл Генри Рекмейер?
- Мороженое, политое шоколадом, – быстро ответила Мэри.
- Вот именно, мороженое тоже важная вещь. Так, раз уж на сегодняшнее утро мне приходится быть Председателем Мира, надо выработать законы, иначе получится страшная кутерьма, все начнут метаться туда-сюда, хватать что попало и вообще вести себя неподобающим образом. Если играть в эту игру, то играть по правилам. Кто может предложить хорошие законы для мира?
- Альберт Фернштром поднял руку:
- Не есть грибов, а то среди них попадаются поганки.
- Это не закон, – поправил Стюарт, – а просто дружеский совет. Благоразумный совет, Альберт, но все-таки закон – нечто более серьезное. Кто еще придумает закон для мира?
- Ничего не тырить, – очень серьезно предложил Джон Полдовски.
- Прекрасно, – одобрил Стюарт. – Отличный закон.
- Отравлять одних только крыс, – высказался Энтони Брендизи.
- Не пойдет, – отрезал Стюарт. – Несправедливо по отношению к крысам. Закон должен быть справедлив ко всем.
- Энтони надулся.
- Но ведь крысы несправедливы к нам, – не сдавался он. – Крысы вредны для людей.
- Согласен, – сказал Стюарт, – но с крысиной точки зрения вреден яд. Председатель должен рассматривать каждую проблему со всех точек зрения.
- А у вас не крысиная точка зрения? – спросил Энтони. – Вы немного похожи на крысу.
- Нет, – отрубил Стюарт, – у меня скорее мышьяная, а это совсем не одно и то же. Я охватываю проблему в целом. Мне совершенно ясно, что крысы обездолены. Им никогда не дают выйти на открытое пространство.
- Крысы не любят открытого пространства, – заявила Агнес Беретска.
- Это оттого, что стоит им высунуться, как их тут же норовят пришибить. Очень возможно, что крысам понравилось бы открытое пространство, если бы им предоставили свободно им пользоваться. Еще какие-нибудь предложения?
- Агнес Беретска опять подняла руку:
- Не воевать.

Стюарт Литл

– Неосуществимо, – возразил Стюарт. – Муж чины любят воевать. Но ты на верном пути, Агнес: уже теплее.

– Не драться? – робко предложила Агнес.

Стюарт покачал головой.

– Ни под каким видом не делать другим гадостей, – предложила Милдред Хоффенштейн.

– Превосходный закон, – похвалил Стюарт. – Пока я буду Председателем, всякий, кто сделает другому гадость, получит взбучку.

– Ничего из этого не выйдет, – заметил Герберт Прендергаст. – Некоторые люди такими уж родились. Вот Альберт Фернштром всегда делает мне гадости.

– Я и не говорю, что обязательно выйдет, – ответил Стюарт, – но закон хороший и стоит его испытать. Попробуем прямо сейчас. Кто-нибудь сделает другому гадость. Ну-ка, Гэрри Джеймисон, сделай гадость Кэтрин Стейблфорд. погоди, что там у тебя в руке, Кэтрин?

– Подушечка, начиненная душистыми травами.

– А на ней написано: «По тебе одной тоскую, для тебя одной цвету»?

– Да.

– Ты ее очень любишь?

– Очень.

– О'кей. Гэрри, хватай подушечку и беги! Гэрри подбежал к Кэтрин, вырвал у нее подушечку и бросился на свое место. Кэтрин завизжала.

– А теперь, – неумолимым тоном объявил Стюарт, – держитесь, любезные, ваш Председатель заглянет в свод законов! – Он сделал вид, будто перелистывает книгу. – Вот оно, страница четыреста девяносто два. «Никому не делать гадостей». Страница пятьсот шестьдесят. «Ничего не тырить». Гэрри Джеймисон нарушил два закона сразу. Остановим же Гэрри на этом пути, а то он так погрязнет в гадостях, что знакомые его узнавать перестанут! Скорее!

Стюарт подбежал к линейке, соскользнул вниз, точно пожарник по шесту, и бросился к Гэрри. Дети, повскакав с мест, помчались по проходам и столпились вокруг преступника. Стюарт грозно потребовал подушечку, и напуганный Гэрри отдал подушечку Кэтрин, хотя и понимал, что это игра.

– Вот видите, все получилось как нельзя удачнее, – заключил Стюарт. – Выходит, «Не делать гадостей» – отличный закон.

Он утер лицо платком – уж очень он вспотел, выполняя обязанности Председателя Мира. Он и не воображал, что придется столько бегать, прыгать и соскальзывать.

Кэтрин очень обрадовалась своей подушечке.

– Дай-ка на нее поглядеть, – попросил вдруг Стюарт, не в силах преодолеть любопытство.

Длина подушечки как раз совпадала с его ростом, и Стюарт вдруг подумал, какая из нее вышла бы прекрасная пахучая постель. Ему очень захотелось получить подушечку.

– Хорошенькая вещица, – проговорил он небрежно, стараясь не показать своим видом, до какой степени она его интересует. – Не желаешь ли ее продать?

– Ох, нет! – ответила Кэтрин. – Мне ее подарили.

– Наверное, подарил ее мальчик, с которым ты познакомилась прошлым летом на озере Хопатконг, и теперь она напоминает тебе о нем, – задумчиво пробормотал Стюарт.

– Да. – Кэтрин покраснела.

– Ах, – вздохнул Стюарт, – чудесное время лето, правда, Кэтрин?

– Правда, а прошлое лето было самое расчудесное из всех.

– Могу себе представить, – заметил Стюарт. – Так ты уверена, что не хочешь расстаться с подушечкой?

Кэтрин кивнула.

Стюарт Литл

– Ну что ж, не могу тебя за это осуждать, – спокойно проговорил Стюарт. – Летние каникулы то же относятся к важным вещам. К таким, как солнечный луч...

– Или мелодия! – подхватила Элизабет Эчисон. Стюарт опять вздохнул.

– Никогда не забывайте, дети, своих летних каникул, – сказал он. – Ну, мне пора ехать дальше. Приятно было с вами познакомиться. Урок окончен!

Он быстро зашагал к двери, влез в машину, помахал на прощанье рукой и двинулся в северном направлении. Дети бежали рядом и кричали:

– До свидания! До свидания!

Им очень хотелось, чтобы каждый день им давал уроки какой-нибудь новый учитель вместо мисс Гендерсон.

Глава XIII Эймс-Кроссинг

В прелестнейшем из городков, где дома были белые и высокие, а вязы зеленые и еще выше домов, где просторные палисадники радовали глаз, а густо заросшие задние дворы так и манили забраться поглубже в заросли, где улицы полого спускались вниз к речке, а речка безмятежно струилась под мостом, где лужайки перед домами переходили во фруктовые сады, сады в поля, поля в пастбища, а пастбища, взобравшись на гору, исчезали, растворяясь в широком небе, – в этом-то прелестнейшем из городков Стюарт остановился, чтобы выпить газированной воды с соком сассапарили.

Поставив машину перед лавкой, он вышел на тротуар. Солнце пригревало так весело, что он присел на ступеньки галереи, чтобы не торопясь насладиться чувством, которое возникает, когда очутишься в незнакомом месте в прекрасный день. Городок показался Стюарту самым живописным из всех, какие попадались ему на пути. Стюарт с большим удовольствием остался бы здесь на всю жизнь, если бы не боялся соскучиться без Нью-Йорка и без своих близких и если бы не мечтал найти Маргало.

Скоро и владелец лавки вышел покурить и уселся рядышком на ступеньках. Он хотел было угостить сигаретой Стюарта, но, разглядев, какой он маленький, отказался от своего намерения.

– Не найдется ли у вас сассапарили? – спросил Стюарт. – Я изнемогаю от жажды.

– Конечно, – ответил лавочник, – сколько душе угодно. Есть сассапариль, лимонад, малинад-сливонад, клюквонад, кока-кола, пепси-кола, дипси-кола, пипси-кола, попси-кола. Что пожелаете?

– Дайте мне, пожалуйста, бутылочку сассапарили, – попросил Стюарт, – и бумажный стаканчик.

Лавочник ушел и тотчас вернулся с питьем. Он откупорил бутылку, наполнил стаканчик и поставил его на ступеньку как раз под той, на которой сидел

Стюарт. Тот поднял кепи, лег на живот и несколько раз зачерпнул своим кепи прохладной влаги.

– Очень освежает, – заметил он. – Что может быть лучше холодного напитка в жаркий день во время путешествия – так бы и пил без конца!

– Далеко едете? – поинтересовался лавочник.

– Может статься, что очень далеко. Я ищу птичку, ее зовут Маргало. Вам она не попадалась?

– Кто ее знает. А какая она с виду?

– Само совершенство. – Стюарт обтер губы концом рукава. – Изумительная птичка. Ее нельзя не

заметить.

– Какого вы роста? – спросил лавочник, приглядываясь к Стюарту.

– Без обуви? Да.

– Не меньше пяти с чем-то сантиметров, – ответил Стюарт. – Меня, правда, давно не

Стюарт Литл

мерили; возможно, я вытянулся за последнее время.

– Знаете, – задумчиво сказал лавочник, что-то прикидывая, – вам непременно нужно познакомиться с одной особой в нашем городе.

– С кем же? – Стюарт зевнул.

– С Генриеттой Эймс. Она точно такого же роста, как вы, разве чуточку пониже.

– Как она выглядит? – спросил Стюарт. – Пышный пончик под пятьдесят?

– Ничего похожего. Генриетта юная и хорошенькая. Одевается лучше всех девушек в городе. Ей шьют только на заказ.

– Неужели?

– Да, Генриетта девушка что надо. Семья Эймсов – люди в нашем городе видные. Один из их предков был перевозчиком во времена Революции. Он любого через реку перевозил, не смотрел, кто с кем воюет, лишь бы платили за провоз. Неплохое скотил состояние. Да и вообще у Эймсов деньги водятся. Дом у них большой, прислуги много. Генриетта с удовольствием с вами познакомится, могу вас заверить.

– Вы очень любезны, – ответил Стюарт, – но я сейчас не очень-то склонен к светской жизни. Переезжаю с места на место, нигде не задерживаюсь, только въехал в город – и дальше, сегодня тут, завтра меня уже нет, перекасти-поле, блуждающий огонек. Вечно в пути-дороге, вечно ищу Маргало. Порой мне чудится, что она близко, прямо за поворотом. А иногда у меня такое чувство, будто мне никогда ее не найти, никогда не услышать ее голоса. Кстати, мне пора в путь.

Стюарт расплатился за напиток, попрощался с лавочником и тронулся дальше.

Но Эймс-Кроссинг по-прежнему казался ему красивейшим городком, и, не доехав до конца главной улицы, Стюарт круто свернул влево, выехал на лесную

дорогу и выбрал для стоянки укромное местечко на берегу реки. Наплававшись вдоволь, он лег на спину в траву, подложил руки под голову и стал вспоминать разговор с лавочником.

– Генриетта Эймс, – пробормотал он.

Наступил вечер, а Стюарт и не думал уезжать. Съев легкий ужин, состоявший из бутерброда с сыром и глотка воды, он лег спать и проспал всю ночь в теплой траве под журчание воды. С раннего утра опять засияло жаркое солнце, и Стюарт окунулся для бодрости. После завтрака он спрятал машину под листом и пошел пешком на почту. На почте, набирая в авторучку чернила, он случайно взглянул на входную дверь – и чуть не упал от неожиданности в чернильницу. В контору вошла девочка ростом около пяти сантиметров и направилась к почтовым ящикам. Одета по-спортивному, она шла гордо подняв голову. В волосах у нее была воткнута тычинка цветка. Стюарт буквально задрожал от волнения.

«Наверное, та самая девица», – сказал он себе.

Спрятавшись за чернильницу, он следил, как она открыла почтовый ящик шириной в полсантиметра и вынула письмо. Лавочник сказал правду: Генриетта была очень хорошенькая. И к тому же единственная девушка, которая не была в тысячу раз выше Стюарта. Он прикинул, что, если пройти с ней рядом, голова ее придется чуть выше его плеча. Картина эта показалась ему заманчивой. Ему захотелось спуститься со стола на пол и заговорить с ней, но он не решился. Куда подевалась его находчивость! Он скрывался за чернильницей, пока Генриетта не ушла. Удостоверившись, что ее нет, он выбрался на улицу, и, озираясь, побрел к знакомой лавке, надеясь встретить красивую девочку и опасаясь встречи.

– Не найдется ли у вас почтовой бумаги с вензелями? – спросил он у лавочника. – Что-то я задержался с корреспонденцией.

Лавочник помог Стюарту залезть на прилавок и дал ему несколько листков писчей бумаги маленького формата с буквой «Л» в углу. Стюарт решительным жестом достал перо, сел, прислонившись спиной к пятицентовой пакете с леденцами, и принялся сочинять письмо Генриетте:

Стюарт Литл

«Дорогая мисс Эймс, Вам пишет молодой человек умеренного роста. Родом я из Нью-Йорка, но в настоящее время путешествую по делам самого личного свойства. Дорога привела меня в Ваш город. Вчера владелец местной лавки, общительный человек с честным лицом, дал мне самый благоприятный отзыв о Вашей репутации и наружности».

На этом чернила, не выдержав столь длинных слов и напыщенного слога, кончились, и Стюарт попросил лавочника опустить его вниз головой в бутылку с чернилами, чтобы наполнить перо. После чего продолжал писать:

«Прошу Вас извинить меня, мисс Эймс, за то, что осмеливаюсь навязываться со знакомством, основываясь на таком маловажном поводе, как наш более или менее одинаковый рост. Но сами знаете, найдется очень немного людей на свете ростом в пять сантиметров, от этого никуда не денешься. Я говорю „пять сантиметров“, хотя на самом деле я несколько выше. Единственный мой недостаток в том, что я немного напоминаю мышь. Зато я пропорционально сложен, не по годам мускулист. Буду откровенен: цель моего краткого послания – предложение познакомиться. Вполне сознаю, что Ваши родители могут возражать против неожиданности и прямолинейности такого предложения, равно как и против моей несколько мышиной внешности, поэтому, может, лучше не ставить их ни о чем в известность. Неведение еще никому не вредило. Впрочем, Вам лучше знать характер Ваших родителей, поэтому не буду давать советов, предоставляю Вам поступать по собственному усмотрению.

Будучи любителем жизни на открытом воздухе, я остановился у реки в привлекательном месте в конце Треси-лейн. Не хотите ли покататься со мной в каноэ? Что вы скажете о завтрашнем дне, ближе к закату, когда мелкие дневные заботы уже позади и река плавно течет под сенью ив? Эти покойные весенние вечера словно созданы на утеху любителям лодочных прогулок. Для меня вода – наслаждение, мисс Эймс, и мое каноэ словно старый испытанный друг».

Стюарт увлекся и совсем забыл, что никакого каноэ нет.

«Если Вы принимаете мое приглашение, приходите на берег реки завтра часов в пять. Буду ждать Вас со всем нетерпением, какое только способен обуздать. А теперь заканчиваю мое дерзкое послание и спешу вернуться к своим неотложным делам.

Искренне Ваш, *Стюарт Литл*» .

Стюарт вложил письмо в конверт и обратился к лавочнику:

– Где мне раздобыть каноэ?

– Да прямо тут. – И лавочник, подойдя к полке с сувенирами, снял маленькое берестяное каноэ с надписью «Летние воспоминания» на борту.

Стюарт придирчиво осмотрел его:

– Оно не течет?

– Славное каноэ. – Лавочник выпрямил ему бок, разгладив его пальцами. – Обойдется в семьдесят пять центов плюс пенни налога.

Стюарт расплатился, потом заглянул внутрь и заметил, что весел нет.

– А как насчет весел? – спросил он как можно более деловитым тоном.

Продавец порывлся среди сувениров, но весел не нашел, перешел к полке с мороженым и вернулся в двумя картонными ложечками, какими едят мороженое на пикниках. – Отлично сойдут за весла, – сказал он.

Стюарт с отвращением взял ложечки.

– Возможно, они и сойдут, – заметил он, – но я бы не хотел встретиться с индейцами, имея в качестве оружия только эти шутики.

Лавочник вынес из лавки каноэ и весла и поставил на тротуар. Ему любопытно было, как дальше поступит миниатюрный гребец. Но Стюарт ни минуты не колебался: вынув из кармана бечевку, он прикрутил весла к банкам, легко взвалил каноэ себе на голову и преспокойно зашагал прочь, будто заправский канадский проводник. Он очень гордился своим умением управлять с лодками и любил покрасоваться.

Глава XIV Вечер на реке

К тому времени как Стюарт добрался до своего лагеря на реке, он очень устал и взмок. Он спустил на воду каноэ, но тут его ждало страшное разочарование – каноэ протекало, да еще как! Бересту на корме стягивал шнурок, вода просачивалась сквозь шов, и за несколько секунд лодку наполовину затопило.

– Проклятье! – воскликнул Стюарт. – Меня надули! Заплтить семьдесят шесть центов за настоящее индейское каноэ и обнаружить, что оно течет! Проклятье, проклятье! – бормотал он.

Вычерпавзоду из каноэ, он вытянул его на берег и приступил починке. Он понимал, что не может посадить Генриетту в дырявую лодку, ей это не понравится. Как ни устал Стюарт, но он влез на ель и собрал немножко смолы. Смолой он залепил шов

Весь вечер Стюарт провозился с лодкой, укладывая балласт, заделывая швы и приводя судно в полную боевую готовность к завтрашнему дню. Он ни о чем думать не мог, кроме свидания с Генриеттой. Вечером он взял топор, свалил одуванчик, и остановил течь. Но каноэ все равно оказалось неисправным суденышком. Не имей Стюарт такого опыта в гребных делах, не миновать бы беды. Даже для сувенирной лодка была чересчур вертлява. Стюарт натаскал с берега к воде камней и загрузил в каноэ балласт, сделав его устойчивым. Теперь оно шло ровно. Стюарт приладил к задней скамье спинку так, чтобы Генриетта могла при желании откинуться и свесить руки в воду. Он даже соорудил подушку на сиденье, обвязав охапку мха носовым платком. Затем он погреб немного, чтобы попрактиковаться. Он досадовал, что весла у него всего лишь картонные ложки, – но что поделаешь? Волновало его теперь одно: заметит ли Генриетта или нет, что весла – жалкие ложечки для мороженого, вскрыл банку ветчины и поужинал ветчиной с одуванчиковым молоком. После ужина он прислонился к папоротнику, взял в рот кусочек смолы и долго сидел так, мечтая и жуя жвачку. Он в мельчайших деталях рисовал себе завтрашнюю прогулку на лодке. Сидя с закрытыми глазами, он представлял, как будет выглядеть

Генриетта на тропке, ведущей к воде, как спокойно и безмятежно будет струиться в сумерках река, каким изящным будет казаться каноэ, вытянутое на берег. Стюарт пережил в воображении каждый миг этого вечера вдвоем. Вот они подплывают к большому листу кувшинки, и он помогает Генриетте высадиться на лист, чтобы немножко отдохнуть на нем. Стюарт, который заранее позаботился надеть под брюки купальные трусы, ныряет в прохладную речку. Он неумоимо плавает кролем вокруг листа, а Генриетта восхищенно любуется его искусством. Представив себе этот эпизод, Стюарт зажевал быстрее.

Внезапно он открыл глаза и сел прямо. Он вспомнил про оставленное письмо и испугался: а вдруг оно не дошло? Письмо было крохотное и вполне могло затеряться. Это предположение повергло Стюарта в волнение. Но постепенно мысли его вернулись к реке. Пока он лежал, на другом берегу начал кричать козодой, стуслилась темнота, и Стюарт заснул.

На другое утро рассвет был хмурый. Стюарту понадобилось съездить в город, чтобы сменить в машине масло. Он спрятал каноэ под большим листом, накрепко привязал его к камню и отправился по делам, размышляя по дороге о Генриетте и мечтая, чтобы погода исправилась. Небо было облачное.

Из города Стюарт вернулся с головной болью. Оставалось лишь надеяться, что до пяти вечера го-лова пройдет. Он еще никогда не катал девушек на каноэ и теперь нервничал. Всю середину дня он то валялся на земле, то примерял рубашки, то расчесывал усы. Только он надевал свежую рубашку, как выяснялось, что она уже промокла под мышками – Стюарт потел от волнения. Приходилось опять переодеваться. Первую чистую рубашку он надел в два часа, вторую – в три, третью – в четверть пятого. Эта возня заняла большую часть дня. По мере приближения назначенного часа Стюарт нервничал все больше и больше. Он

Стюарт Литл

беспреданно смотрел на часы, поглядывал на тропу, приглаживал волосы, говорил сам с собой и бессмысленно суетился. В воздухе появилась сырость, Стюарт не сомневался, что пойдет дождь. А вдруг дождь начнется как раз, когда появится Генриетта Эймс? Стюарт прямо не представлял, что тогда и делать.

Наконец настало пять часов. Стюарт услышал шаги. Это была Генриетта. Стюарт поспешно бросился на землю, сел, прислонился к пню и постарался принять непринужденную позу, будто приглашать на свидание девушек для него привычное дело. Он подождал, пока Генриетта не подошла совсем близко, и тогда поднялся.

– А, привет, – произнес он, стараясь, чтобы голос у него не дрожал.

– Вы мистер Литл? – спросила Генриетта.

– Да, я, – ответил Стюарт, – очень мило, что вы пришли.

– Большое спасибо за приглашение, – ответила Генриетта.

На ней был белый свитер, твидовая юбка, белые шерстяные носочки и теннисные туфли, на голове цветной платок. В руке, как заметил Стюарт, она держала коробочку с мятными лепешками.

– Пустяки, мне это одно удовольствие. Жаль только, что неважная погода. По-моему, парит к дождю, как вам кажется?

Генриетта поглядела на небо и кивнула.

– Что делать, – заметила она, – пойдет так пойдет.

– Совершенно справедливо, – подтвердил Стюарт, – пойдет так пойдет. Мое каноэ привязано чуть выше по берегу. Разрешите помочь вам, тропа здесь не очень ровная.

Стюарт был учтив от природы. Но Генриетта отказалась от помощи, она была девочка ловкая и совсем не собиралась спотыкаться или падать. Стюарт шел впереди, она за ним. Дойдя до того места, где он спрятал каноэ, Стюарт заглянул под листья и вдруг с ужасом увидел, что лодка исчезла...

Сердце у него упало, он чуть не заплакал.

– Каноэ нет, – простонал он.

Он бешено забегал вдоль берега взад-вперед, заглядывая за каждый камешек и под каждую травинку. Генриетта помогала ему, и вскоре они разыскали каноэ – но в каком изуродованном виде! Видно, кто-то играл с ним. К носу была привязана длинная толстая веревка. Балласта как не бывало, подушки тоже, спинка сломалась, из швов вывалилась смола. Вся лодка была заляпана грязью, одно из весел погнуто и перекручено. Рухлядь, и только! Именно так и должно выглядеть всякое берестяное каноэ после того, как с ним поиграют большие мальчишки.

Стюарт пришел в отчаяние. Он совершенно растерялся. Опустившись на ветку, он закрыл лицо руками и повторял:

– Вот так история! Ну и история!

– А что случилось? – спросила Генриетта.

– Мисс Эймс, – дрожащим голосом произнес Стюарт, – уверяю вас, у меня все было так замечательно устроено – просто замечательно! А теперь...

Генриетта полагала, что каноэ надо быстро подремонтировать и все-таки покататься. Но Стюарт отверг ее предложение.

– Бессмысленно, – с горечью заявил он, – все равно получилось бы не то.

– А что значит «то»?

– То, как я представлял себе это вчера. Боюсь, что женщине таких тонкостей не понять.

Вы только взгляните на веревку! Узел так крепко завязан, что мне в жизни его не развязать.

– Ну и что? – удивилась Генриетта. – Пускай волочится за нами по воде.

Стюарт в отчаянии уставился на нее.

– Да где вы видели, чтобы индейское каноэ плыло по тихой безлюдной реке и за кормой волочилась длинная веревка?! – вскричал он.

– Можно притвориться, будто мы ловим рыбу, – предложила Генриетта, она никак не

Стюарт Литл

могла взять в толк, зачем так нервничать из-за лодки.

– Я не хочу притворяться, будто я ловлю рыбу! – воскликнул в отчаянии Стюарт. – Вы на грязь посмотрите! На грязь!

Он чуть не завизжал. Генриетта присела на ветку рядом с ним и протянула ему мятную лепешку. Но он затряс головой.

– Ну ладно, – сказала она, – дождь уже начинается. Пожалуй, я побегу домой, раз вы не хотите меня покатать. Не понимаю, почему надо сидеть тут и киснуть. Пойдемте ко мне, а после обеда мы бы сходили потанцевать в местный клуб. Может, у вас исправилось бы настроение. Хотите?

– Нет, благодарю вас, – ответил Стюарт. – Танцевать я не умею. К тому же мне завтра надо рано выехать. Возможно, даже на рассвете.

– И вы собираетесь спать под открытым небом, под дождем?

– Само собой разумеется, – ответил Стюарт. – Но я укурюсь под каноэ.

Генриетта пожала плечиками:

– Что ж, прощайте, мистер Литл.

– Прощайте, мисс Эймс, – отозвался Стюарт – Жаль, что наша вечерняя прогулка закончилась так неудачно.

– Мне тоже жаль, – сказала Генриетта.

И она ушла, ступая по мокрой траве, в сторону Треси-лейн, оставив Стюарта наедине с разбитым каноэ и разбитыми мечтами.

Глава XV На север

Ночь Стюарт проспал под каноэ. Проснувшись в четыре утра, он увидел, что дождь прекратился. День обещал быть ясным. Уже проснулись птицы, и в ветвях над головой раздавались их звонкие голоса. Стюарт никогда не пропускал ни одной птицы, не посмотрев – а вдруг это Маргало?

На краю города он остановился у заправочной станции.

– Пять, пожалуйста, – попросил Стюарт служащего.

Тот в недоумении уставился на крошечный автомобиль.

– Чего пять? – спросил он.

– Пять капель бензина, – ответил Стюарт.

Но служащий покачал головой и объявил, что не может продавать такую малость бензина.

– Почему? – возмутился Стюарт. – Вам нужны деньги, а мне нужен бензин. Почему бы нам не прийти к соглашению?

Заправщик ушел внутрь здания и вернулся с пипеткой. Стюарт отвинтил колпачок бака, и служащий капнул туда пять капель бензина.

– Сколько работал, а таким делом никогда еще не занимался, – проворчал он.

– Проверьте заодно и масло, – напомнил Стюарт. Когда все было проверено и деньги заплачены,

Стюарт завел мотор и выехал на шоссе. Небо светлело, вдоль реки висели полосы утреннего тумана. Городок еще спал. Машина с ровным урчанием катила вперед. Стюарт чувствовал себя отдохнувшим и радовался, что он снова в дороге.

Через километр шоссе разветвлялось. Одна дорога вела на запад, другая по-прежнему шла на север. Стюарт остановился на обочине северной дороги и вышел оглядеться и поразмыслить. К своему удивлению, он увидел на краю канавы какого-то человека. Тот сидел, прислонясь к указательному столбу. На ноги у него были надеты когти, на животе – тяжелый кожаный пояс. Стюарт догадался, что это монтер, чинящий телефонную линию.

– Доброе утро, – дружески окликнул его Стюарт. Монтер откозырял. Стюарт уселся рядом с ним на край канавы и глубоко вдохнул свежий душистый воздух.

Стюарт Литл

- Денек будет хороший, – заметил он.
- Как же, денек славный, – согласился тот. – Одно удовольствие лазать на столбы.
- Желая вам чистого неба и крепкой хватки, – сказал Стюарт. – Кстати, вам там наверху встречаются птицы?
- Еще бы, в больших количествах.
- Если вам когда-нибудь встретится птица по имени Маргало, будьте так добры, дайте мне знать, буду вам очень признателен. Вот моя карточка.
- Опишите-ка птицу. – Монтер достал блокнот и карандаш.
- Коричневая, – начал Стюарт, – коричневая с желтой грудкой.
- Из каких она мест, не знаете?
- Монтер кратко записал: «Луга. Пшеница. Таволга. Любит свистеть». Он убрал блокнот в карман и спрятал карточку Стюарта в бумажник.
- Буду смотреть во все глаза, – пообещал он. Стюарт поблагодарил его. Они немного посидели молча. Потом мастер прервал молчание:
- В каком направлении держите путь?
- На север.
- На севере славно, – подхватил монтер. – Я всегда с удовольствием еду на север. Правда, юго-запад тоже отличная сторона.
- Да, пожалуй, вы правы, – задумчиво проговорил Стюарт.
- А еще взять восток, – продолжал мастер. – У меня однажды было занятное приключение на дороге в восточном направлении. Хотите расскажу?
- Нет, спасибо, – ответил Стюарт.
- Мастер немножко огорчился, но не замолчал.
- Есть что-то такое в северном направлении, – продолжал он, – чего не найдешь в других. Тот, кто держит путь на север, выбрал правильно, вот мое мнение.
- И мое тоже, – подтвердил Стюарт. – Только мне кажется, что теперь я так и буду до конца дней моих ехать на север.
- Это еще что, случаются вещи и похуже, – утешил его монтер.
- Да, бывает, – поддержал его Стюарт.
- Чинил я тут оборванную телефонную линию, которая идет на север, – продолжал монтер, – такие чудесные места встречал. Болота, где растут кедры и на колодах сидят черепахи, будто ждут чего-то; поля, обнесенные кривыми изгородями, которые покосились просто оттого, что устали стоять неподвижно; фруктовые сады, до того старые, что они уже позабыли, где стоял дом фермера. По дороге на север я съедал завтрак на пастбищах, заросших папоротником и можжевельником, под ясным небом на свежем ветру. Работа заводила меня в густые еловые леса зимней ночью, где лежал глубокий мягкий снег, – самое подходящее место для кроличьего хоровода. Отдыхал я на товарных платформах на узловых станциях, благодать – теплые деньки, теплые запахи. Знакомы мне пресные озера на севере, где нет никого, кроме рыбы и ястребов да еще, само собой, телефонной компании – куда она только ни забирается. Да, я хорошо изучил эти места. До них отсюда ух как далеко, помните это. А когда вдобавок ищешь кого-нибудь, то, понятно, передвигаешься не очень быстро.
- Что правда, то правда, – согласился Стюарт. – Что ж, мне, пожалуй, пора. Спасибо вам за дружеские наставления.
- Не за что, – отозвался монтер. – Желая вам найти вашу птичку.
- Стюарт сел в машину и поехал дальше на север. С правой стороны над холмами как раз всходило солнце.
- Стюарт всматривался вперед, в громадные просторы, лежавшие перед ним, и понимал, что его ждет долгий путь. Но небо было безоблачное, яркое, и Стюарт чувствовал, что взял верное направление.